

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНА М. ПЕТРОВА «КРАСНЫЙ КОЛОСС»

Т. В. ГЕРАСЬКИН,

*кандидат филологических наук, докторант,
доцент кафедры общенаучных дисциплин Ковылкинского филиала
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Михаил Петров первым из писателей Мордовии вынес определение «политический роман» в подзаголовок своей трилогии «Красный колосс». Этот шаг свидетельствовал о том, что тематические искания финно-угорских литератур вышли на новый уровень. XX в. наполнил традиционные коллизии литературы новым содержанием. Борьба за власть приобрела политический характер. Война стала продолжением политики иными средствами, а политика — главным содержанием всякой войны (примеры последних десятилетий — Афганистан, Чечня, Югославия). Жанры реагируют на изменение причин и мотивов в сюжете — в соответствии с новыми требованиями времени они перерождаются в политический роман. Необходимо учитывать тот факт, что любой жанр не является чем-то установившимся и застывшим. Причины, которые вызывают многообразные процессы в литературе, связаны с быстрым развитием самой жизни и изменениями в общественном сознании. Как следствие, меняются формы и рамки литературных жанров.

М. М. Бахтин отмечает, что «в жанре всегда сохраняются неумирающие элементы архаики. Правда, эта архаика сохраняется в нем только благодаря ее постоянному обновлению. Так сказать, осовремениванию. Жанр всегда тот и не тот, всегда стар и нов одновременно.

Жанр вырождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении этого жанра» [1, 141–142]. Именно в свете бахтинской концепции жанрового формирования истолковывается многое в сдвигах жанровых границ в творчестве М. Петрова. По мнению М. Малькиной, обращение писателя к жанру политического романа следует рассматривать как «продолжение и развитие исторической тематики в своем творчестве. Изображение героев сквозь призму социально-политических событий вообще присуще историческим романам М. Петрова» [6, 223].

Политический роман перерастает из батального у А. Чаковского («Победа»), из детектива у Ю. Семенова («Альтернатива», «Кутузовский проспект»), а за рубежом, в английской литературе, — из криминального у Г. Грина («Ведомство страха»), в американской — из бытового у Р. Уоррена («Вся президентская рать»). Политический роман занимается вопросами политики непосредственно, прямо включая их в свое действие. Таким образом, политика формирует не только содержательные моменты произведения — тему и идею, но и его сюжет, формальную структуру; единство характерных формальных и содержательных сторон дает прочное основание говорить об автономии жанра. В. Оскоцкий форму-

лирует следующее определение нового жанра: «Политический роман – раньше и прежде всего роман идей, в сюжетной динамике которого происходит столкновение политических сил, действующих на международной арене, где противостоят разные социальные системы и типы общественного сознания» [7, 4].

Выход политических коллизий на международную арену приводит к ограничению современного материала политического романа практически тремя тематическими сферами – война, дипломатия и разведка. По этим тематическим сферам и распределяются политические романы последних десятилетий. С. Дангулов в романе «Дипломаты» явно тяготеет к «дипломатическому» материалу, А. Чаковский берет за основу «военный» материал, Ю. Семенов чаще всего делает центром повествования разведку. В начале 2000-х в жанре политического романа активно работал Н. Леонов. Описывая срастание организованной преступности с политической властью в стране, Н. Леонов создал новый для отечественной литературы жанр криминально-политического романа.

«Красный колосс» служит примером того, как писатель переходит от исторического материала к политическому. В творческой практике каждого писателя политический роман приобретает свои черты, особенности жанра-субстрата, на основе которого он создается, накладываясь на собственные неповторимые характеристики нарождающейся индивидуальности этого жанра, обусловленные его политическим содержанием и определяющие его автономию. Заметим, что жанровая граница политического романа до сих пор очень размыта. Правильным будет считать «Альтернативу» Ю. Семенова детективно-политическим романом, «Блокаду» А. Чаковского – военно-политическим, а «Красный колосс» М. Петрова – историко-политическим романом. Политическая тема и идейное содержание входят в жанровую природу вышеназванных романов, но не исчерпывают ее.

Как и некоторые иные темы художественной литературы, политическая тема обладает жанрообразующими свойствами. Они позволяют более или менее отчетливо провести демаркационную линию между произведениями этого жанра и произведениями, лишь совпадающими с ним по некоторым особенностям. «Красный колосс» сформирован в политическом жанре художественными средствами автора. Однако ни рассуждения на политические темы героев романа или самого автора, ни пространственные политические экскурсы, ни даже развертывание действия на фоне обстоятельно описываемых политических событий не сделали бы «Красный колосс» политическим. Политическим роман становится при введении политики в само действие произведения в качестве одной из ведущих мотиваций. Главный герой – мордвин Дмитрий Данилкин активно действует в самом центре политических событий, а политическая обстановка в стране и мире полностью определяет не только его жизнь, но и жизнь других героев романа.

События Второй мировой войны отражаются М. Петровым через призму конкретных исторических событий. Как указывает Ю. Бондарев, еще в конце 1960-х гг. возникает «твердый жанр исторического романа, несколько приближенный к жанру хроники, основанный на документе, порой на фактических событиях, с участием известных исторических лиц, с широким охватом войны, от солдатского окопа до нашей Ставки, от нашей Ставки до Ставки Гитлера, с множеством действующих персонажей во временной протяженности» [2, 173–174]. По всей видимости, тенденция развития жанра романа от военного к историческому связана с ускоряющимся движением жанра документальной прозы, которое началось в середине 1950-х гг. В дальнейшем интерес к писательской реконструкции событий сменяется более актуальной потребностью в документальном обобщении и осмыслении исторического прошлого.

М. Петров не ограничивается исследованием истории Второй мировой войны. Его художнический интерес значительно шире: становление СССР как великой державы (годы первых пятилеток, индустриализация, коллективизация), зарождение и укрепление фашизма, готовящийся передел мира. Работая над созданием картин быта мордовской деревни, писатель обратился к архивным материалам 1920–1940-х гг. Исследование потребовало погружения в культурный слой мордвы, знания духовных традиций, анализа того, что явилось результатом собственно советской истории. Стало необходимым изображение в романе тех колоссальных потерь, которые произошли в жизни народа в период коллективизации. Наступило осознание того, что изучение истории мордовской деревни невозможно без включения ее в контекст общей судьбы советского народа. Чтобы ответить на интересующий читателя вопрос о том, где и когда случился слом духовной традиции в сознании некоторых героев романа, писателю пришлось вернуться в недавнее прошлое. Потребовались новый художественный уровень постижения правды жизни народа, обогащение известного материала социальной конкретикой.

Поставленную задачу М. Петров смог решить, показав социальный кризис, возникший из-за перегибов партийного руководства в проведении коллективизации. Именно в них писатель видит начало разрушения прежних нравственных, этнических и других основ жизни мордовского народа. В главах романа, посвященных описанию деревни Вирьлей, уже проявляются конфликты власти и народа. Распадение традиционных нравственных связей, считает автор, повлекло за собой неверие народа государству, так как в своем праве на построение новой жизни и создание новых условий для нее государство неизбежно входило в конфликт с прежним ее порядком. Духовное опустошение вело к ломке человеческой личности.

Политические изменения в стране (Гражданская война, коллективизация)

обострили противоречия жизни, придали конфликтам мирной деревенской действительности острое социальное звучание. М. Петров считает, что возникали они именно из-за разрушения традиционного уклада жизни, ломки привычного миропорядка, а также тогда, когда государство, стремясь выработать жизнеспособные формы управления, опиралось не на самое лучшее в человеке. Показательны слова жены Данилкина Анны: «Четыре семьи раскулачили. Детишки плачут, бабы воют. Когда выселяли, я не могла смотреть, домой убежала. Ну зачем так, разве они виноваты, что справно живут? Хоть бы в селе, в домах своих оставили, а то всех в Рузаевку повезли» [8, 6]. Создавая образ двадцатипятилетнего Боброва, писатель обнажает непонимание им психологии сельских жителей, которые противятся коллективизации, проводимой исключительно силовыми методами.

Жизнь мордовской деревни Вирьлей изображена в русле происходящих в стране и мире событий. Отсутствие единства в высших эшелонах компартии, перегибы в создании колхозов, беспредел правоохранительных органов, напряженное международное положение – эти и многие другие факторы оказывают существенное влияние на деревенских жителей и имеют следствием неоправданные раскулачивания, аресты невинных людей и тягостное ожидание приближающейся войны.

Начиная с первой книги романа М. Петров развивает тему интернационализма. Гражданская позиция писателя-мордвина диктовала ему необходимость создания панорамной картины совместной борьбы всех народов (больших и малых) Советского государства с фашистскими оккупантами. В этом взгляды М. Петрова отличны от точки зрения В. Пикуля, который последовательно проводил в своих романах идею непобедимости России ввиду патриотизма прежде всего русского народа. В частности, персонаж В. Пикуля «железный канцлер» Бисмарк утверждает: «Даже самый

благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленить международными трактами, так же быстро вновь соединяются друг с другом, как частицы разрезаемого кусочка ртуты» [11, 267]. М. Петров отстаивает равную степень участия людей различных национальностей в построении единого Советского государства и победе над фашизмом. Следует отметить тот факт, что уже в середине 1980-х гг. писатель понимал опасность набирающих силу националистических движений. Например, в романе историк Толкунов убеждает Голицына: «Национализм – это тот маховик, которым, раскрутив, можно вызвать центробежную силу, способную разнести на куски любую империю» [8, 258].

Во второй книге трилогии М. Петров расширяет географические границы романа: действия разворачиваются во многих районах СССР, в ряде стран Европы, Канаде, США [9]. Характерной особенностью мордовской литературы является то, что события Великой Отечественной войны отражаются не только в отдельных произведениях; нередко они составляют часть трилогии или дилогии. Это – роман из трилогии К. Абрамова «Дым над землей» (1964), М. Сайгина «Ураган» (1974), из дилогии И. Кишнякова «Моя звезда – небо» (1982) и др.

Участник войны, М. Петров не мог не обратиться в своем творчестве к военной теме. Во многих эпизодах романа отчетливо видна автобиографичность повествования (например, Данилкин, как и автор, принимает активное участие в выпуске дивизионной газеты). Но для глубокого анализа и осмысления событий минувшей войны писатель должен был выйти за пределы собственного опыта, своих переживаний и размышлений военного времени. Он изучает документы, архивные материалы, беседует с участниками войны об их переживаниях и их сегодняшнем отношении к пережитому.

Следуя в русле сложившихся традиций, М. Петров рассматривает Вторую мировую войну как грандиозное испытание народа, потребовавшее многочисленных жертв. Война находится в центре внимания писателя во второй и третьей книгах романа, но, в отличие от многих вышеназванных произведений мордовских прозаиков, ее изображение в романе «Красный колосс» сразу выходит за рамки традиционного батального жанра. Акценты повествования смещаются с военных перипетий на анализ политической, социальной природы происходящего. Война идет не за колонии, не за национальный престиж, не за спорную границу; идет война на уничтожение, решается вопрос – быть или не быть целым народом, обреченным на небытие нацистской политической доктриной. В войне разрешается острейшее противостояние двух идеологий, война политизирована насквозь, поэтому выбор героев «Красного колосса» – политический выбор.

Произведение совершенно определенно тяготеет к политическому жанру, однако фундамент исторического романа сказывается во всем: автор время от времени совершает экскурсы в прошлое, рассказывает о жизни героев до описываемых событий, повествует об истории стран и создает портреты реальных исторических лиц, видных политических и военных деятелей XX в. Однако жанровые политико-исторические особенности романа отнюдь не препятствуют проявлению черт традиционного социально-психологического реализма: каждая из сюжетных линий развивается в постоянном взаимодействии с другими, война снова и снова сталкивает героев, пересекаются пути Дмитрия Данилкина и усыновленного им Егора, Николая Голицына и Ивана Чугаева. Действует «принцип экономии» реализма: вместо ввода в повествование новых героев «на сцену» по законам художественной необходимости, мотивированной в сюжете случайностью, выходят уже известные герои. Так расширяется их роль в сюжете и появляются связки между раз-

личными планами повествования, что позволяет сократить привлекаемый житейский материал, и без того достаточно обширный, сделать его содержательно более интенсивным, емким. Каждому событию в «верхах», в Ставке Верховного главнокомандующего, в резиденции Гитлера, находятся композиционные соответствия в действиях на фронте или в тылу, в мордовской деревне. Причинные связи событий обогащаются их композиционным взаимодействием, события разного уровня дополняют и объясняют друг друга.

В действие вводятся герои-антиподы, роль которых – освещать и оттенять образ своего противника, находящегося на другом полюсе войны. Так, предатель-белоэмигрант Николай Голицын служит противовесом образам советских офицеров. Немецкий офицер Густав, не играя сколько-нибудь значительной роли в сюжете, необходим как антипод, детально написанный портрет противника, фанатично преданного идее нацизма, как психологически точное объяснение причин, заставивших этого немца и миллионы других уверовать в арийскую доктрину Гитлера.

В заключительной части трилогии поле битвы сменяется столом переговоров, но напряженность действия, острота противостояния разных идеологий не снижается [10]. При этом политическое содержание не только не препятствует осуществлению законов жанра-основы – исторического романа, но и требует выполнения данных законов для своей художественной реализации. Политика становится идейным содержанием романа, она включается в систему мотиваций действия как главная ведущая сила. Политизируются конфликты между героями, например, разрыв Николая Голицына с немкой Эльзой отнюдь не любовная размолвка, а разногласия по поводу происходящего в Германии.

Через все действие романа проходят несколько равноправных вымышленных и исторических лиц. «Красный колосс» связан с современными исканиями в эпи-

ке не столько изображением четко индивидуализированных характеров, часто с необыкновенными судьбами, сколько стремлением к показу и освещению особых исторических обстоятельств, в которых формируется и проверяется личность.

Очень интересен прием введения в ткань повествования отрывков из различных дневников, мемуаров, директив, переписки высшего военного и политического руководства. Со страниц романа в своих воспоминаниях предстают реальные люди: маршалы СССР Жуков и Василевский, начальник генштаба вермахта Гальдер, премьер-министр Великобритании Черчилль и многие другие. Тем самым достигается эффект полифонизма.

Замысел писателя требовал непосредственного, многостороннего противопоставления двух лагерей, двух миров. М. Петров рассуждает об истоках фашизма, показывая жизненный путь фашистских главарей, их планы и решения, теорию и практику войны, атмосферу в верхах Третьего рейха. При создании романа писатель исходил из того, что вопрос о войне и мире является ключевым и сегодня и людям необходимо снова и снова напоминать о том, что такое война. Он акцентировал внимание на таких проблемах истории, которые имеют большое значение для современного развития. Это стремление во многом определило принципы изображения персонажей – реальных исторических лиц. В период постоянно происходящей переоценки ценностей и переписывания истории жанр политического романа оказался наиболее подходящим для реализации художественных задач писателя.

Характерным для изображения истории в романе также является раскрытие сущности и хода войны через призму больших реальных событий, в которых действуют вымышленные герои. Трилогия М. Петрова отличается от тех исторических романов, в центре которых находятся реальные герои и в которых автор стремится к передаче конкретных

событий. Примером таких произведений в мордовской литературе могут служить «Повесть о генерале» П. Прохорова, посвященная жизни и деятельности начальника штаба округа Максима Пуркаева, и художественно-документальный роман И. Пиняева «Шла дивизия вперед», в котором прослеживается боевой путь 326-й Рославльской дивизии, сформированной на территории Мордовии.

Произведение М. Петрова близко к «неисторическим» романам о больших общественных событиях, например трилогии К. Симонова «Живые и мертвые». Писатель рассматривает проблемы роли и места каждого отдельного человека как субъекта истории, его возрастающих возможностей и обязанностей. При этом одинаковое внимание уделяется действиям Ставки Сталина и работе колхоза в деревне Вирьлей, обеспечивающего фронт необходимыми продуктами. Тем самым проводится мысль об общем вкладе советских людей в победу над фашизмом. Политические деятели интересуют М. Петрова, как правило, с точки зрения их участия в историческом процессе.

Большое значение для структуры романа имеет сохранение единой системы персонажей. К главным героям (реальным и вымышленным) автор обращается на всем протяжении действия. Между основными персонажами (а это Данилкин, Николай Голицын, Иван Чугаев, Сталин, Гитлер, Пуркаев, Егор Голицын), а также между ними и другими многочисленными героями устанавливаются сюжетные связи. Существенным для внутренней и внешней цельности каждой книги романа и всей трилогии в целом является отражение важных исторических событий, переживающих их героев, а также общих проблем.

Писатель стремится выявить закономерности, которые определяли ход истории. Для единства трилогии кроме общего предмета изображения и основной идеи важна «кольцевая» композиция сюжетного действия. М. Петров сосредоточивает свое внимание от книги к

книге на описании важнейших событий войны, на раскрытии связи конкретного сражения с данным этапом войны и всей войной.

Структура трилогии носит черты исторической хроники: в ней непосредственно отображаются решающие этапы войны в хронологической последовательности. В то же время в некоторых главах хроникальные черты редуцируются, структура отдельных частей трилогии и характер изображения в них изменяются. Вместо последовательной информации о ходе событий, в которых участвуют главные герои, действие развивается скачкообразно. Повествование даже не воспроизводит ход того сражения, которое избирается писателем как типичное для данного этапа войны. Внимание уделяется одному фрагменту этого сражения, причем события являются в значительной мере вымышленными, а главное, передаются через всестороннее их осмысление различными по занимаемому положению, характеру, кругозору героями.

Образ Данилкина по праву занял место в ряду наиболее удавшихся героев современного мордовского романа. Он – размышляющий герой – одно из явных достоинств романа. Данилкин не только размышляет, он активно действует: отстаивает идею образования Мордовской автономной республики, разъясняет крестьянам политику партии, помогает в создании первых колхозов. Он находит в себе силы пойти против неоправданного раскулачивания жителей деревни, добивается освобождения невинно арестованных. Данилкина не сломили арест, исключение из партии. Он возвращается в родную деревню и продолжает работать. Конечная цель Данилкина – построение новой, более справедливой жизни, – несмотря на все им пережитое, осталась неизменной.

Повествование о сложном пути Данилкина в первые месяцы после нападения фашистов на Советский Союз позволяет писателю показать, почему фашисты, добившись первоначальных

успехов, не смогли достичь своей цели и как во время кровопролитных боев под Москвой нашими войсками были заложены основы будущей победы. В. Макушкин, анализируя исторические романы в современной мордовской литературе, отмечает: «Не все авторы учитывали, что масштабы личности определяются силой ее борьбы за прогрессивные идеалы, значительностью противостоящих ей сил. И чем труднее борьба, тем сильнее герой, тем масштабнее его личностные качества. Слабый интерес к внутренним борениям человека лишает личность масштабности. Поступок, действие – это, прежде всего, показатель не внешней, а внутренней потенции» [5, 201].

Чувство исторической памяти, перенесение действия в глубь времен и в недалекое прошлое выдвинули новые меры оценки героев современной литературы. Определяющим критерием является нравственная высота героев – основное качество, например, Пахома Гарузова из трилогии К. Абрамова «Найман», Едигея Буранного из романа «Буранный полустанок» Ч. Айтматова, Владимира Васильева из романа Ю. Бондарева «Выбор». Дми-

трий Данилкин может встать в один ряд с вышеперечисленными героями. Принципиально важно не только то, что именно с позиции главного героя дается оценка событиям мировой значимости, но и то, что он сам начинает воспринимать себя в контексте этих событий. Как указывает М. Малькина, «такой подход к изображению конфликтов и характеров все ощутимее проявляется в творчестве многих мордовских писателей, что свидетельствует о качественно новом уровне идейно-эстетических исканий в современной мордовской литературе» [6, 225–226].

Еще в начале работы над трилогией М. Петров понимал важность художественного воплощения сосуществования на одной территории народов разных национальностей [4, 215]. Роман «Красный колосс» интересен прежде всего показом истории мордовского народа в неразрывной связи с историей российской и мировой, в их слиянии в едином событийном потоке. Это характеризует его как самобытное явление в финно-угорских литературах [3], существенно расширяющее их жанровые и идейно-тематические границы.

Поступила 09.01.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Сов. писатель, 1963. – 363 с.
2. Бондарев, Ю. В. Тенденции развития военно-исторического романа // Взгляд в биографию. – М., 1977. – 214 с.
3. Гераськин, Т. В. Русь и Мордва в фольклоре и исторической прозе / Т. В. Гераськин, Е. А. Шаронова. – Саранск, 2013. – 328 с.
4. Гераськин, Т. В. Тема интеграции народов в современной мордовской исторической прозе (на примере произведений Михаила Петрова) // Финно-угорский мир : экономическое и социокультурное развитие. – Саранск, 2011. – С. 207–215.
5. Макушкин, В. М. Обретение зрелости / В. М. Макушкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1984. – 224 с.
6. Малькина, М. И. Если внимательно взглядеться... // Современная мордовская литература. 60–80-е гг. : в 2 ч. – Саранск, 1991. – Ч. 2. – С. 210–226.
7. Оскоцкий, В. Д. Политический роман, 80-е... // Литературное обозрение. – 1985. – № 3. – С. 4.
8. Петров, М. Т. Красный колосс. Кн. 1 / М. Т. Петров. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1988. – 448 с.
9. Петров, М. Т. Красный колосс. Кн. 2 / М. Т. Петров. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1989. – 384 с.
10. Петров, М. Т. Красный колосс. Кн. 3 / М. Т. Петров. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. – 432 с.
11. Пикуль, В. С. Битва железных канцлеров / В. С. Пикуль. – М. : Современник, 1992. – 509 с.